

А.И. Алексеев (Санкт-Петербург)

**Профессора Санкт-Петербургского археологического института
глазами слушателя 1904 – 1906 гг. гвардейского офицера
В.С. Савонько***

Ключевые слова: история отечественной науки, истории, палеографии, археографии, археологии, Санкт-Петербургский археологический институт, профессора С.Ф. Платонов, Н.В. Покровский, Н.И. Веселовский, Н.П. Лихачев, С.М. Середонин, Н.М. Коринский.

Санкт-Петербургский археологический институт был открыт в 1877 г. по инициативе известного русского архивиста Н.В. Калачова. Целью нового образовательного учреждения объявлялось «приготовление специалистов по разным отраслям археологии и по архивоведению»¹. В XIX – начале XX вв. археология включала в себя и ту область знаний, которую сегодня обозначают термином вспомогательные или специальные исторические дисциплины. Выражаясь современным языком можно сказать, что на основании курса специальных исторических дисциплин институт готовил преимущественно архивистов².

Структура Санкт-Петербургского археологического института была определена «Положением» 1899 г., введившем деление всех предметов на основные и неосновные. К основным относились: славяно-русская археография, славяно-русская палеография, архивоведение, первобытная археология (в особенности русская), христианская археология (памятники искусства, особенно византийские и русские), юридические древности, историческая география и этнография России, нумизматика (особенно русская), дипломатика, а к неосновным, по которым слушание лекций было обяза-

---

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00133.

¹ Положение о Санкт-Петербургском Археологическом Институте // Вестник археологии и истории. 1901. Вып. 14. С. 3.

² Об Археологических институтах Императорской России см.: Николаев, А.Л. Археологические институты дореволюционной России. Нижнекамск, 2008; *он же*. О СПб Археологическом институте <http://www.dslib.net/istoria-otechestva/dejatelnost-sankt-peterburgskogo-i-moskovskogo-arheologicheskikh-institutov-v-1877.html>; *он же*. Подготовка специалистов по русской старине в Санкт-Петербургском и Московском археологических институтах <http://izvestia.asu.ru/2009/4-4/hist/TheNewsOfASU-2009-4-4-hist-38.pdf>

тельно, – польско-литовские древности, греческая палеография, и латинская палеография. Положение разрешало институту с ведома Министерства народного просвещения открывать «чтения и по другим отраслям древневедения»³.

Во второй половине 1890-х гг. в Санкт-Петербургском археологическом институте сложился устойчивый педагогический коллектив со своими традициями и авторитетным именем. Христианскую археологию бессменно (с 1878 г.) преподавал профессор Н.В. Покровский. Лекции по славяно-русской палеографии читал А.И. Соболевский, впоследствии академик. К чтению лекций и практическим занятиям по новому тогда еще направлению первобытной археологии был привлечен выдающийся археолог Н.И. Веселовский. Дипломатику вел известный русский историк Н.П. Лихачев. Профессор С.М. Середонин преподавал историческую географию. Среди преподавателей были и вчерашние слушатели: А.К. Марков (нумизматика), С.М. Гольдштейн (польско-литовские древности), А.П. Воронов, читавший с 1891 г. вместо умершего И.Е. Андреевского лекции по архивоведению⁴. Впоследствии в Санкт-Петербургском археологическом институте вместо ушедшего А.И. Соболевского русскую палеографию читал профессор И.А. Шляпкин, а славянскую палеографию – Н.М. Каринский. Выбывшего В.И. Сергеевича заменил профессор С.Ф. Платонов, читавший не только юридические древности, но и славяно-русскую археологию⁵.

В 1902 г. общее количество слушателей института определялось в 1000 человек. В этот период он размещался на набережной Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова) в доме под №14. Среди слушателей Санкт-Петербургского археологического университета обращает на себя внимание значительный процент военных. Судя по отчету за 1912 – 1913 учебный год, военные составляли 24 %⁶.

Благодаря дневниковым записям одного из слушателей Санкт-Петербургского археологического института, В.С. Савонько, служившего в 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде, у нас есть редкая возможность познакомиться с преподавателями института

---

³ Положение о Санкт-Петербургском Археологическом Институте. С. 3.

⁴ Отчет о состоянии С.-Петербургского Археологического Института в 1897–98 году // Вестник археологии и истории. 1899. Вып. 11. С. 2.

⁵ Отчет Императорского Археологического Института в С.-Петербурге за 1911–1912 учебный год // Вестник археологии и истории. 1914. Вып. 22. С. 9.

⁶ Отчет Императорского Археологического Института в С.-Петербурге за 1912–1913 учебный год // Вестник археологии и истории. 1914. Вып. 22. С. 6–7.

поближе. Разумеется, записки В.С. Савонько несут на себе сильнейший налет субъективности, но этим-то и интересен взгляд современника, который «вживую» слушал лекции именитых ученых.

Владимир Степанович стал слушателем археологического института в 1904 г. в возрасте 27 лет и в чине поручика гвардии. Записался на курс он вместе со своим сослуживцем по 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде поручиком Н.Н. Ушаковым.

Крайне интересны впечатления В.С. Савонько от занятий в Археологическом институте, которые он старался усердно посещать в свободные от служебных обязанностей часы. Увы! По большей части его ждало разочарование. Разочарование не от областей знания, но, в первую очередь, от организации учебного процесса, а, во-вторых, от отношения к делу некоторых профессоров. Вот одна из первых записей, отразивших впечатление от посещения института: «Помещение института далеко не идеальное. Тесное и грязное. Порядка в нем тоже не чересчур. Коллекции и картины содержатся небрежно, в пыли, висят криво и косо. Денег нет? Или нет любви у чиновников-профессоров, а только “штатное место с известным окладом жалованья”?...»⁷. Что же касается слушателей, то они, на взгляд гвардейского артиллериста, «самые разнообразные»: «священники, шпаки, курсистки, военные инженеры, жандармы, студенты, просто девицы, пограничная стража, интенданты и проч.»⁸.

Здесь следует сказать, что В.С. Савонько был очень требовательным и взыскательным студентом. В силу природных качеств и воспитания, полученного в военных заведениях, он был в высшей степени обязан и дисциплинирован. Проходя службу в гвардейской части, он педантично фиксировал все упущения, которые замечал в организации службы, в форме одежды и т.д. Не остались без его внимания и недостатки в организации учебного процесса, а в институте, как будет видно далее, этих недостатков хватало.

При начале учебных занятий 7 октября 1904 г. первые две лекции не состоялись, поскольку не пришли профессора Н.В. Покровский и В.И. Сергеевич. Не скрывал свою досаду В.С. Савонько и тогда, когда лекции в институте заменялись панихидами⁹. Подробно свои впечатления от первого года обучения в Археологическом

---

⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед.хр. 87. С. 58. Здесь и далее при цитировании сохраняется орфография и пунктуация подлинника.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ См.: «В 6½ часов вечера, придя на лекции в Археологический институт, попал на четвертую панихиду по В. Кн. Сергею Александровиче». (РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 91).

институте он поместил на страницах дневника под 12 марта 1905 г. Это, по сути, настоящий очерк на 24 страницах, адресованный будущим исследователям истории института.

Первое на что сетует В.С. Савонько это крайний недостаток информации. По его словам: «Едиственный представитель Института, от которого большей частью черпаешь свои сведения о всех намерениях директора, – сторож Сергей Богданов»¹⁰. Именно сторож, получивший на чай, вручает слушателям литографированное расписание лекций. Он же сообщает об отмене лекций в день прихода слушателей.

Далее объектом суровой критики В.С. Савонько становятся археологический музей института и библиотека. Вот, что он пишет о музее: «Более жалкого зрелища, чем эти заброшенные в пыли и беспорядке черепки, сосуды, образки, монеты, книги и проч. трудно себе представить. Видно, что кто-то, когда-то этот музей создал, может быть с любовью, может быть без любви и даже, может быть, без знания дела, но от прежнего создания остались хорошие витрины, некоторые надписи, некоторый порядок... Затем все стало понемногу “разваливаться”. Уже много лет никто (я это утверждаю) коллекцией этой не занимается. Если кто-нибудь унесет (утащит) с окна древнюю амфору или обломок мраморной таблицы – никто этого не заметит... Никакого научного значения в таком виде и при таком отношении к ней эта коллекция не имеет и не может иметь. Ни один профессор никогда ею в аудитории не пользуется. Самостоятельно пользоваться ею невозможно, ибо нет ни надписей, ни описей ее»¹¹. Наш автор обращает особенное внимание на то, что устройством музея решительно никто не занимается: «На меня такой беспорядок всегда производит отчаянное впечатление. Картины висят косо, криво, рамки облупились, стекла треснуты, системы никакой: рядом с почерневшим старинным образом, писаном на скоробившейся и треснувшей доске, висит портрет академика Солнцева; на грязных обоях прищиплены всевозможные объявления о продающихся книгах. На шкафах среди кучи древних сосудов какие-то лампы и – все под слоем пыли! Между объявлениями о книгах, росписаниями и проч. прищипливаются и всевозможные “avis”, касающиеся жизни института»¹². Любопытно, что первоначально В.С. Савонько, проучившийся в институте год, полагал, что должности заведующего музеем не имеется. Лишь в разговоре со сторожем Сергеем Богдановым он узнал, что должность заведующего

---

¹⁰ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 94.

¹¹ Там же. С. 95.

¹² Там же. С. 96–97.

музеем имеется и ее занимает господин Успенский, который появляется в институте только за жалованьем¹³. Услышанное повергло нашего автора в шок: «Но ведь это же ужасно, господа!! Говорят, что нет денег на школы. Археологический Институт живет на гроши, а между тем существует штатное место, оплачиваемое жалованьем, на котором можно только “числиться” и “никогда” не посещать службу!»¹⁴. Зрелище крайне запущенного музея заставляет В.С. Савонько патетически восклицать: «Сиротство, сиротство кругом!! Когда же власть или общественное мнение покарает г-на Покровского за это сиротство!!...»¹⁵.

Впечатления от библиотеки института не лучше. «Стыдно сказать, что в учебном заведении, притом высшем, где читается курс архивоведения (а курс – библиотековедение – ему родственный), может существовать такая библиотека. Ей заведует г-н Гусев¹⁶. Когда вы в нее войдете, то первое время она покажется просто лавкой провинциального букиниста, покупающего книги на вес и продающего их за гроши, ибо все это “кровавые” романы и “переводная белиберда”, не стоящая более 10 копеек за том»¹⁷.

Но основная часть претензий В.С. Савонько относится к организации учебного процесса. Первоначально было заявлено о том, что лекции будут читаться по понедельникам, четвергам и субботам по 3 часа в вечер. На деле же оказалось, что лекции по субботам не читались вовсе, а в остальные дни приходили не все профессора. Неаккуратность преподавателей возмущала слушателей, вынужденных бесполезно терять в институте ценные часы своего досуга в ожидании несостоявшихся лекций. В.С. Савонько гневно восклицал: «То, что позволяют себе делать профессора (или дирекция), не поддается никакому описанию. Это какая-то стихийная наглость, издевательство над интересами нашими и государства, основанное на полной безнаказанности, которая в свою очередь

---

¹³ Директором Музея Санкт-Петербургского археологического института в указанный период был Успенский Василий Иванович (1870 – ?) – русский писатель, историк (специалист в области церковных древностей), издатель древнерусских памятников. Брат Александра Ивановича (1873 – 1938) и Михаила Ивановича (1866 – 1942) Успенских.

¹⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 133.

¹⁵ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 134.

¹⁶ Гусев Петр Львович (1850 – 1924), выпускник и сотрудник Петербургского императорского археологического института. Занимался выявлением, изучением и обеспечением сохранности монументальной живописи и иконописи Новгорода.

¹⁷ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 97.

базируется на отсутствии какого-либо контроля»¹⁸. Автор дневника обвиняет руководство институтом в планомерном срыве лекционного процесса. Если день занятий совпадает с каким-либо праздником, то это является поводом к отмене лекций. Это касается праздников церковных и гражданских. Панихиды назначаются в лекционные часы. Учебный год открывается только в октябре, а заканчивается в марте, Рождественские каникулы растягиваются более чем на месяц. Заседания совета с участием преподавателей назначаются на лекционные часы. Все это приводит к тому, что слушатели получают знания в объеме гораздо меньше заявленного при поступлении в институт.

По подсчетам В.С. Савонько за первый учебный год он, прилежно посещая занятия, прослушал всего 64 часа лекций. При этом между профессорами эти часы распределились следующим образом: профессор А.П. Воронов прочитал 5 лекций, профессор Н.И. Веселовский – 14, профессор С.М. Середонин – 8, профессор Н.В. Покровский – 8 лекций, профессор С.Ф. Платонов – 12 лекций, профессор В.В. Майков – 8 лекций, профессор А.К. Марков – 2 лекции, профессор Н.П. Лихачев – 3 лекции, приват-доцент Н.М. Коринский – 4¹⁹. Но даже эти лекционные часы нельзя считать полноценными часами, ибо профессора постоянно опаздывают на 10 – 15 минут или уходят ранее срока окончания лекции. Сам же директор Н.В. Покровский «всходит на кафедру всякий раз ровно на пол-часа позднее»²⁰.

После описания общих неустройств В.С. Савонько переходит к характеристике профессоров, руководствуясь исключительно собственными впечатлениями от того, что видел и слышал. При этом он полностью игнорирует все то, что составляет репутацию и авторитет того или иного специалиста.

Первой характеристики удостоивается профессор А.П. Воронов, который известен автору дневника еще по 1 Кадетскому корпусу,

---

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Там же. С. 98.

²⁰ См.: «И ведь эти пол-часа он мирно сидит в канцелярии, разговаривая со служащими, а слушатели (не мальчишки 1 класса, а люди зрелые, занимающие зачастую крупное общественное положение) уныло бродят по зале, тщетно ожидая начало лекции. Но вот по приказанию директора сторож звонит, и слушатели спешат занять места в аудитории. Все уселись, разговоры замолкли, и водворилась благоговейная тишина храма науки. Наглость Покровского позволяла ему выдерживать нас в таком положении еще минут 5–10. И это, повторяю, не случайно, а КАЖДЫЙ РАЗ, каждый раз без исключений, что могут подтвердить все слушатели 1904–1905 годов». (РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 98).

где он читал курс истории и словесности. Вспоминая кадетские годы, В.С. Савонько очень критически оценивает своего преподавателя, который был откровенно плохим лектором, обладал «идиотской» внешностью, был неуверен в себе и не умел заинтересовать учеников своими предметами. Спустя 10 лет А.П. Воронов превратился из студента в профессора, но при этом не сумел стать хорошим лектором. По словам В.С. Савонько: «Я не сомневаюсь теперь, как, впрочем, не сомневался и ранее, что Воронов – один из весьма добросовестных и трудолюбивых лекторов. У него проскальзывает даже желание, чтобы слушатели непременно усвоили то, что он им читает; он готов пойти навстречу каждому желанию слушателя, но у него не было “уменья” завладеть вниманием аудитории, и этого уменья он не приобрел и поныне, оставшись при своих знаниях страшно застенчивым, деликатным профессором. Он как бы всей своей наружностью, едва взойдя на кафедру, уже извиняется: “Извините, господа, что позволю себе вам читать, простите великодушно”. А здесь в Институте он еще прибавляет (и притом вслух): “Мой предмет, я знаю, не интересный, скучный”. Все эти качества (неуверенность, застенчивость) никогда не позволят Воронову сделаться хорошим профессором. Он не умеет “импонировать” на слушателей»²¹. При этом А.П. Воронов читает важный предмет – «Архивоведение». В.С. Савонько отмечает, что он лично с удовольствием прочел курс архивоведения, написанный А.П. Вороновым, но впечатление от его прослушанных лекций исключительно негативное. Причина тому манера А.П. Воронова читать лекции: «Боже! Как умеет Воронов наводить скуку! Он повторяет свой печатный “конспект”, растягивая несколько страниц на час времени. Он пережевывает одну главу, какую-нибудь пустяшную главу о “хранении дел”, по несколько раз, уныло и безнадежно медленно описывая полки для дел в “Архиве Министерства Иностранных дел”, описывая полчаса то, что можно самому прочесть в 5 минут, сидя в удобном кресле, а не в аудитории...»²².

Автор дневника, в отличие от заурядных слушателей, которые считают «Архивоведение» скучным предметом, пытается разобраться в причинах несостоятельности А.П. Воронова как лектора. Блеклая наружность и плохо поставленный голос не являются решающими факторами. В.С. Савонько отмечает, что Воронов, несомненно, знает свой предмет, «посетил множество знаменитых архивов», «знает русскую и иностранную литературу об этом предмете». Два условия являются, по мнению нашего автора, глав-

---

²¹ Там же. С. 99–100.

²² Там же. С. 100.

ными для того, чтобы «владеть аудиторией». Во-первых, «чтобы профессор на лекции сообщал бы то, (или с теми пояснениями, опытами, объяснениями и проч.), что я не могу прочитать по книге (ибо в противном случае лучше прочесть по книге, чем сидеть на лекции, в особенности если лектор не имеет голоса)». Лектор должен являться живым посредником между слушателями и наукой, «непрерывно следя за последней с постоянной и неутомимой энергией». Во-вторых, «помимо знаний, он должен непременно иметь хоть чуточку, хоть самую маленькую крупицу таланта, иметь, что называется, “искру Божию”, без которой нельзя быть “настоящим” ученым и профессором»²³.

Итог преподавательской деятельности А.П. Воронова подводил экзамен, состоявшийся 25 апреля 1906 г. В.С. Савонько сообщает, что в рамках подготовки к экзамену он прочитал «статью Андреевского об архивах, “библиотековедение” соч. Хавкиной и знаком с описанием документов и дел Св. Синода». На экзамене профессор А.П. Воронов попросил «рассказать о составлении описей архивных». По собственной оценке: «Отвечал хорошо».

Профессор Н.И. Веселовский читал курс «Древности Южной России», который в программе назывался «Первобытной археологией». В.С. Савонько посетил 14 лекций и характеризует предмет как «безспорно интересный». При этом он замечает, что впечатление после первой прослушанной лекции было «далеко не важным» и оно сохранилось до конца года. По словам В.С. Савонько, аудитория ни разу не наградила профессора Н.И. Веселовского аплодисментами. При этом лекции Н.И. Веселовского имеют важное достоинство, поскольку лектор: «иллюстрирует свои чтения рисунками на экране (волшебными картинками), объясняет эти рисунки, приносит изрядное количество разных предметов, добытых раскопками в Южной России, дает на просмотр книги и атласы»²⁴. Более того, профессор Веселовский удовлетворяет одному из главных требований к лектору: «чтобы лекция не была простым пересказом печатного и писаного конспекта». Почему же лекции Н.И. Веселовского столь критически оценивал В.С. Савонько? Ответ простой: «Не “понравился” он тем, что читает лекции свои в высшей степени “сонно”. Слушателей раздражает его манера говорить: “вялым, тихим голосом умирающего, с громадными паузами между словами, эта манера, повторяю, не может нравиться аудитории”». Автор дневника отмечает разницу между «ученым» и «профессором». Выдающийся ученый Н.И. Веселовский, с именем ко-

---

²³ Там же. С. 101.

²⁴ Там же. С. 102.

которого связано множество достижений российской археологии, на взгляд В.С. Савонько: «не обладает ни одним из тех качеств, столь необходимых для профессора, желающего принести своими лекциями возможно большую пользу»²⁵. При этом слушатели охотно посещали лекции Н.И. Веселовского и оценивали его как «добросовестного профессора».

Особый интерес представляет описание археологической экспедиции близ станции Оредеж, которая состоялась под руководством профессора Н.И. Веселовского 14 мая 1905 г. В экспедиции приняли участие выпускники археологического института, в их числе поручик В.С. Савонько и его сослуживцы: подпоручики Н.Н. Ушаков, Бородин, капитан И.С. Вешняков и полковник А.А. Ден. Участников экспедиции было около 50, причем половину их составляли военные. По обычаю все слушатели института, невзирая на чины, разместились в вагоне 3 класса. По словам автора: «С нами в вагон сел и профессор Николай Иванович Веселовский, по обыкновению, молчаливый от которого едва вытягивали односложные ответы немногие наивные экскурсанты, напрасно думавшие поживиться на счет опытности и знаний известного ученого. Известный ученый таил свою опытность и свои знания про себя!»²⁶. Как видим, профессор Веселовский демонстрировал равнодушие к слушателям.

Прибыв на станцию Оредеж, участники экспедиции пешком направились к месту раскопок. Курганы находились на окраине деревни Боршово, недалеко от живописной реки Оредеж. Раскопки были начаты членом Археологического института Л.Н. Целепи²⁷. «До начала дальнейших раскопок профессор Веселовский прочел нам маленькую вступительную лекцию о “курганах вообще”, объяснил их классификацию (собственно курганы, жальники, сопки..) и проч. Раскопки начал сам Н.И. Веселовский маленькой лопаточкой и успел, обнаружив череп, слегка его обнажить, отделив от грунта»²⁸.

В дальнейших раскопках профессор Н.И. Веселовский участия не принимал. Все объяснения слушатели получали от Л.Н. Целепи и других археологов. В.С. Савонько с досадой замечает, что в целях лучшей организации экспедиции «прежде всего нельзя было ставить во главе г-на Веселовского, один вид которого наводит

---

²⁵ Там же. С. 103.

²⁶ Там же. С. 139.

²⁷ Целепи Леонид Николаевич (1856 – 1919), археолог-любитель, специалист по жальникам и курганам, коллекционер археологических предметов, книг и рукописей, член новгородского общества любителей древности.

²⁸ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 140.

уныние». Далее он не без остроумия пишет о знаменитом археологе: «Тусклый взгляд его говорит: “Разве это курганы? Вот на Юге курганы я копал... Поскорей бы спать в вагон!”»²⁹. Критически оценивая роль института в организации раскопок, наш автор называет экспедицию «самостоятельным пикником»: «Особые листки с графиками и рисунками скелета и вопросником для ведения журнала раскопок я случайно увидел у г. Целепи. Инструмент для измерения находимых черепов имелся случайно у одного из экскурсантов. О предварительных измерениях курганов, о необходимости фотографирования и массе прочих мелочей я знал лишь из книги Довнар-Запольского “Чтения по русской истории, т. 1”»³⁰. Как видим, отсутствие систематичности в процессе обучения и равнодушие профессора Н.И. Веселовского вызывали сильнейшее раздражение у требовательных слушателей. Впрочем, раздражение быстро сменилось участием в пикнике. В дорогу сторож института Сергей Богданов вместе со своим помощником прихватили достаточное количество снеди. Приведем эту колоритную зарисовку: «А тем временем Сергей Богданов совместно с помощником и некоторыми из местных крестьян, толпой собравшихся – с бабами и ребятами – поглядеть на “могилки” уже гремел тарелками, рюмками и ножами, накрывая на стол и извлекая из своих корзин “казенную водку”, коньяк, большие бутылки с красным вином и проч. Мужики, бабы и ребята с любопытством разглядывали то господ, то кости скелетов, находимые в могилах, то груды булок и колбас, возвышавшихся на столе, пересмеивались, подталкивали друг друга, острили...»³¹. В.С. Савонько со своими товарищами сели за стол в числе первых. С точки зрения угощения, экскурсия была организована институтом великолепно: «В этом году шампанского не было, но водка и вино были в изобилии, а известно, что водка и вино приводят всех в прекрасное расположение духа и будь тут налицо г. Покровский, мы неминуемо подняли бы “чару” за здоровье “уважаемого директора” и кричали бы ему “ура”. Одним словом экскурсия “пахла Русью, русским духом...”»³².

После пикника раскопки продолжились до позднего вечера. В числе найденных предметов были «серебряное кольцо, топорик, бусы, несколько монет и проч.». После завершения раскопок участники экспедиции ужинали на станции Оредеж. Неожиданно на станцию прибыл великий князь Константин Константинович, кото-

---

²⁹ Там же. С. 141.

³⁰ Там же. С. 141.

³¹ Там же. С. 141–142.

³² Там же. С. 142.

рый проявил живой интерес к раскопкам³³. Пояснения ему давал Л.Н. Целепи. В это время профессор Н.И. Веселовский отсутствовал, как замечает В.С. Савонько: «он спал после трудов в вагоне...».

Судя по описанию экзамена нашим автором, профессор Н.И. Веселовский был крайне снисходительным к знаниям (вернее невежеству) своих слушателей. Экзамен по археологии следовало сдавать, отвечая по любому из двух курсов: 1) Первобытная археология и 2) Древности Южной России. Некоторые из слушателей по своему выбору сдавали экзамен по одной из прочитанных глав курса и вполне благосклонно выслушивались экзаменатором. У старательно готовившегося В.С. Савонько такая снисходительность вызвала бурю возмущения. «Из этого я заключаю, что г. Веселовский сознательно позволяет на своем экзамене отвечать из одной какой-нибудь главы курса – по выбору самого слушателя – и, следовательно, г. Веселовский сознательно выпускает из Института невежд, не имеющих даже элементарного понятия о “Древней Археологии”, и, следовательно, г. Веселовский сознательно относится к своему делу недобросовестно!»³⁴. Основательно зная весь курс, сам автор дневника отвечал про Херсонес Таврический и был удостоен хорошей оценки.

Следующим характеристики В.С. Савонько удостаивается профессор С.М. Середонин. Эта оценка парадоксальна. Наш автор вполне безапелляционно заявляет: «г-н Середонин не только не обладает даром слова, но он почти косноязычен: он заикается и не выговаривает “р”. Начиная фразу, он никогда ее не заканчивает и неожиданно перескакивает на новую фразу, вставляя вводные замечания, к[о]торые зачастую разрастаются в самостоятельные и длинные периоды. Одним словом, он не красноречив, т. е. не обладает даром слова, каковой я считаю существенным для профессора»³⁵. Казалось бы, для профессора это неустранимый недостаток, но большинство слушателей (включая и автора дневника) «отзывались и отзываються о нем всегда в самых лестных выражениях». Происходит это потому, что аудитория «сознает этот “крупный” недостаток г. Середонина, тяготится этим недостатком, но с другой стороны аудитория мирится с этим недостатком, ибо лекции

---

³³ Великий князь Константин Константинович, поэтический псевдоним К. Р. (10.08. 1858 – 15.06. 1915) — член Российского Императорского дома, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор Военно-учебных заведений, президент Императорской академии наук (1889), поэт, переводчик и драматург.

³⁴ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 254.

³⁵ Там же. С. 103.

г. Середонина дышат убежденностью ученого и талан[т]ливого профессора». Профессор С.М. Середонин «говорит живым языком», «рассуждает», цитируя Геродота, он высказывается «за и против», приводя мнение Брауна, он «“полемизирует” с теориями Шафарика, Нидерле и Иловайского». Аудитория прощает лектору недостатки речи, поскольку высоко оценивает «вдумчивое» и «научно-серьезное» изложение предмета, награждая профессора шумными аплодисментами.

Экзамен у профессора С.М. Середонина по «Исторической географии» являлся серьезным испытанием. Экзамен состоялся 16 марта 1906 г. Мы можем составить довольно полное впечатление по дневниковым записям.

«Обстановка экзамена такова: начало в 7 часов вечера, затем обычный стол, накрытый зеленым сукном, кресла для профессоров и ряд стульев для экзаменуемых. На стул визави профессора садится 1[-й] №, левее его 2[-й] №, затем 3-й и т. д. Когда экзаменуемый кончит, то следующий за ним № пересаживается на его стул, а за ним пересаживается и вся остальная цепь на одного человека...»³⁶. Таким образом, все сдававшие экзамен, могли слушать ответы своих предшественников и делать соответствующие выводы. Середонин слыл строгим профессором и экзамена боялись. Предоставим слово В.С. Савонько.

«Первым отвечал г. Усачев (артист Императорских театров). Отвечал неважно, задумываясь над простыми вопросами... Я с Ушаковым (казначей нашей бригады, который также держит экзамен 19 №) невольно проверяли свои познания, видя, что на все вопросы, задаваемые г. Середониным Усачеву, мы могли бы свободно ответить. Как всегда бывает – первых спрашивали долго, но, по-моему, милостиво. Усачев выдержал, за ним выдержали еще двое, знавших, впрочем, очень хорошо. Четвертого г. Середонин уже срезал (студент-медик). По-моему, правильно, ибо он знал курс весьма плохо. Это было началом... Жертвы посыпались. Передо мной срезал еще троих. Срезал уже с ноткой раздражения, рассердившись на несколько неудачных ответов... Наконец, наступила и моя очередь»³⁷.

В.С. Савонько был хорошо подготовлен. Готовился он по курсу «Чтений» профессора Довнар-Запольского. Первые два вопроса были следующими: 1) Борьба Руси со степью в X и XI веках; 2) Религиозные воззрения древних скифов. Без ложной скромности автор дневника замечает: «На эти оба вопроса я отвечал подробным

---

³⁶ Там же. С. 249.

³⁷ Там же. С. 250.

рассказом, сыпля именами, годами и географическими названиями – в общем блестяще»³⁸. Дополнительным вопросом был вопрос о литовских племенах. В.С. Савонько ответил относительно мест проживания литовских племен, обозначив бассейны рек, но подробно очертить границы проживания не смог. Профессор Середонин оценил ответ на «хорошо» и спросил фамилию. Интересно, что у провалившихся экзамен, профессор фамилию не спрашивал, что являлось серьезной поблажкой, поскольку появлялась возможность пересдачи экзамена. Товарищ В.С. Савонько поручик Н.Н. Ушаков отвечал на час позднее его и был менее удачлив. Согласно дневниковым записям дело было так. «Около 11 часов наступила очередь Ушакова. Перед ним “срезали” студента университета. Ушакова спросили о “славянских” наречиях и об образовании славянских народностей. Начал он хорошо... Середонин, уже утомленный и изнервничавшийся, начал задавать вопросы. Первая ошибка Ушакова уже его раздражила. Он начал задавать новые и туманные вопросы, на которые хотел получить ответы – в точности именно те, которые ожидал... Не получая их, он еще более раздражался, и в результате Ушаков, знавший весьма основательно курс (я не раз с ним беседовал эти дни по нашему предмету), “провалился”...»³⁹.

Оценивая же экзамен профессора Середонина в целом, В.С. Савонько замечает: «по моим наблюдениям, экзамен у Середонина по исторической географии – это безусловная лотерея. Но с оговоркой. Без знаний выдержать невозможно, а со знаниями и весьма основательными можно провалиться»⁴⁰. Что же касается продолжительности экзамена, то ниже В.С. Савонько ссылается на рассказ драгунского штаб-ротмистра, который сдавал экзамен по «Исторической географии» «в 3¼ часа ночи!!!!!»⁴¹.

Развернутая характеристика дается директору института профессору Н.В. Покровскому. Именно на нем сосредотачивает свой критический пафос автор дневника. В первую очередь его раздражает то, что Н.В. Покровский является обладателем одного из высших чинов Российской империи: «действительный тайный советник». В глазах В.С. Савонько, директор института является «чиновником в самом худшем смысле этого слова», «в нем уже и ученый, и профессор давно умерли». Наш автор пытается оценить личность Н.В. Покровского объективно, но при этом им владеют предубеждения: «Я ровно ничего не имею против г-на Покровско-

---

³⁸ Там же. С. 250.

³⁹ Там же. С. 251.

⁴⁰ Там же. С. 251.

⁴¹ Там же. С. 253.

го, как г-на Покровского (хотя он и из попов, говорит на “о”, этаж произносит “этаж” и вообще “«ханжа” “non plus ultra”»⁴². Главный упрек адресуется Н.В. Покровскому в том, что он чиновник-формалист, которому «равнешенько наплевать» на деятельность института и процесс обучения слушателей.

Прослушав лекцию «Об общей археологии», которую читал профессор Н.И. Веселовский, слушатели не дождались лекции профессора И.А. Шляпкина. 14 октября 1905 г. занятия в археологическом институте не состоялись по причине забастовки электростанции. На предложение слушателей организовать занятия при керосиновом освещении директор Н.В. Покровский заявил, что это «невозможно», что это «не сто́ит», что «чем мы хуже других: можем и мы отдохнуть». В.С. Савонько не стал сдерживаться в оценках и прокомментировал ситуацию следующим образом: «Одним словом, тут на лицо следующее: г-н Покровский и вся его шайка (да простят мне господа профессора за это название) до смерти рады, что они могут на вполне законном основании пропустить несколько дней (а Бог даст – неделю и больше!) и уж вовсе не показываться в Институте... Впрочем, как мы видели, в этом чисто “бюрократическом” заведении и без всяких “оснований” не стесняются манкировать своими обязанностями – все, начиная от господина директора и кончая легендарным заведывающим музеем (!!??)»⁴³.

Автор дневника был не одинок в своих оценках организации учебного процесса в институте. 13 ноября с 19 до 22 часов вечера в стенах института состоялось общее собрание слушателей. По свидетельству В.С. Савонько было внесено множество предложений для улучшения качества преподавания. При этом, – «Красной нитью проходило следующее: “Мы – слушатели – стремимся всеми мерами улучшить преподавание и быт Института и на каждом шагу встречаем тормозы – в лице администрации профессоров”. Тот профессор надул и не проредактировал лекции, этот не захотел сопровождать слушателей в архив и т. д. и т. д.»⁴⁴. Была создана комиссия из 5 слушателей для организации посещений музеев во главе с профессорами, в состав комиссии вошли и гвардейские артиллеристы В.С. Савонько и Н.Н. Ушаков. В числе прочих недостатков слушатели отметили неудовлетворительную постановку дела с обучением археографии и палеографии. Прозвучало предложение показывать снимки рукописей на большом экране. Дирек-

---

⁴² Там же. С. 104.

⁴³ Там же. С. 191.

⁴⁴ Там же. С. 203.

тору археологического института было предложено установить телефон и завести книгу для заявлений.

По-видимому, деятельность комиссии имела результаты, потому что в дневнике В.С. Савонько появляются записи о практических занятиях, которые для них проводили профессор А.К. Марков и Н.И. Веселовский. Под 10 февраля читаем запись: «От 11 часов утра в числе 20 других слушателей 2 курса Императорского Археологического Института осматривал архив Святейшего Синода. Осмотр организовал наш профессор по кафедре Архивоведения – г. Воронов. Весь служащий персонал архива был налицо и давал нам объяснения»⁴⁵. Под 23 февраля В.С. Савонько отмечает: «От 1 часа дня осматривал совместно с другими слушателями Императорского Археологического Института архив Государственного Совета. Это образец архива по богатству и роскоши самого помещения»⁴⁶.

Н.В. Покровский читал в институте курс «Христианская археология». В дни, когда назначены его лекции профессор Н.В. Покровский приезжал в институт в пол-седьмого, шел в канцелярию, где и проводил время в праздных беседах. На лекцию являлся не менее чем с получасовым опозданием, «быстрыми шагами входит в аудиторию, произносит стереотипное вступление “МилОстивые Государыни и МилОстивые Государя..!”», почти залпом выпаливает в течении оставшегося получаса часть своего курса (кстати, уже давно напечатанного отдельной книгой с иллюстрациями), усащая свою речь вполне красноречивыми и с законченными красивыми оборотами и изрядным количеством латинских и итальянских фраз»⁴⁷. При всем своем острокритическом отношении к личности профессора Н.В. Покровского, автор дневника замечает, что кафедру он оставляет, тем не менее «под шумом аплодисментов». Следовательно, большинство слушателей высоко оценивало талант лектора. Да и сам автор, говоря о Н.В. Покровском как о лекторе, оценивает его высоко: «Покровский обладает бесспорным красноречием, читает не только хорошо, но даже увлекательно»⁴⁸.

В том, что не все слушатели разделяли негативную оценку деятельности директора археологического института, убеждают полемический тон соответствующих страниц дневника. Оппоненты В.С. Савонько указывали, что в институт привлечены лучшие профессора, программа обучения серьезна и продуманна, преду-

---

⁴⁵ Там же. С. 235.

⁴⁶ Там же. С. 238 – 239.

⁴⁷ Там же. С. 105.

⁴⁸ Там же. С. 108.

смотрен экзамен государственной комиссией, имеются музей и библиотека, организуются научные экскурсии и т.д. Все это следует поставить в заслугу директору. На это В.С. Савонько указывает, что в реальности профессора читают недопустимо мало лекций⁴⁹, библиотека и музей устроены и содержатся так, что пользоваться ими нет никакой возможности⁵⁰. Он вменяет Н.В. Покровскому в вину все нарушения в ходе учебного процесса в институте: «Покровский отменяет лекции, пользуясь всяким удобным и неудобным случаем, т. е. празднуя все официальные, неофициальные и церковные праздники, назначая панихиды, молебны и заседания (ведь это же чорт знает что такое!!!) в часы лекций и растягивая рождественские каникулы до безобразных размеров. Если к перечисленному прибавить совершенно произвольное начало академического года (непрерывно с опаздываньем) и произвольное окончание академического года (непрерывно страшно раннее), то вы получите по-истине возмутительную картину чиновничьего произвола в таком святом деле, как “учебное дело”, получите ясное представление о возмутительных порядках, которые и низводят самый факт – “наличие прекрасных профессоров” – почти до нуля»⁵¹. Вывод В.С. Савонько категоричен: «Директор Покровский не служит по совести. Он прикрывается как щитом известными именами профессоров, программами и отчетами, а на самом деле вся его деятельность, как директора, не стоит ни гроша»⁵².

Экзамен по «Христианской археологии» Н.В. Покровского не был трудным испытанием для слушателей. Основой для подготовки служил двухтомный труд самого экзаменатора. По словам В.С. Савонько: «Покровский – весьма снисходительный экзаменатор и довольствуется, если экзаменующийся обнаруживает хоть малую толику познаний и знакомство с курсом. При этом он сам все время подсказывает и разъясняет, чем сильно задерживает экзамен»⁵³. Справедливости ради наш автор замечает, что «Курс для полного усвоения весьма нелегкий». Тем не менее, на его глазах

---

⁴⁹ «Профессора есть, но мы за два года так мало согреваемся живительными лучами их знаний, что, пожалуй, многие согласятся иметь поменьше знаменитостей, но которые читали бы более аккуратно и добросовестнее» (РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 107).

⁵⁰ «Библиотека в Институте есть, но из моего описания ясно видно – какова ее ценность с точки зрения пользования ею слушателями. (Книжное богатство ее мне неизвестно). Музей есть, но опять-таки это «хлам», которым никто не пользуется» (РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 107).

⁵¹ Там же. С. 107.

⁵² Там же. С. 107.

⁵³ Там же. С. 252.

срезался лишь один слушатель (студент Университета 4 курса!), который проявил совершенное невежество. Сам В.С. Савонько отвечал по «Фрескам Новгорода» и вполне успешно.

Дав выход негативным эмоциям в оценке деятельности директора института, наш автор переходит к оценке профессора С.Ф. Платонова, который читал курс «Источники Русской истории». Эта оценка в высшей степени комплементарна: «Если г. Платонов и не представляет собой тип идеального профессора, то, во всяком случае, он весьма близок к этому идеалу»⁵⁴. Лекции С.Ф. Платонова неизменно собирали полную аудиторию, часто присутствовали и «слушатели другого курса и уже кончившие Институт несколько лет тому назад». «Как лектор – профессор Платонов бесподобен», – свидетельствует В.С. Савонько, – «Его речь дышит необыкновенною ясностью мысли и изложения. Вы без труда следите за развертываемой перед вами картиной. Его доводы “убедительны”. Его “примеры” чрезвычайно ярки и рельефны. Он с необыкновенным мастерством выдвигает на первый план все самое существенное и главное, и впечатление от каждой его лекции, не говоря уже про весь курс, получается полное и вполне законченное»⁵⁵. Личность С.Ф. Платонова настолько ярко и оригинально отражается в лекциях, что аудитория полностью попадает под его обаяние: «Можно утверждать, что такого впечатления вы не сможете получить, читая учебник, даже очень хороший, ибо вам неостанет той певучей интонации .... и миллиона оттенков в подчеркиваниях едва уловимых деталей, которые так присущи талантливым лекциям Платонова и которые, благодаря этому, получают особую ценность в глазах всех слушателей»⁵⁶. По окончании лекции профессора сопровождается «взрыв» рукоплесканий. Высочайшая оценка, которой удостоивает автор записок лекции С.Ф. Платонова, тем более значима, что курс по источникам русской истории, являлся в Археологическом институте дебютным для профессора.

Не оставил без внимания В.С. Савонько и таких достоинств С.Ф. Платонова как обязательность и деликатность: «Ежели он пропустил лекцию, то можно быть уверенным, что он или болен, или же фактически не мог быть по обстоятельствам, от него не зависящим. При этом г. Платонов, единственный из профессоров, заботится дать знать о невозможности прочесть лекцию и однажды, пропустив лекцию, благодаря экстренному заседанию в каком-

---

⁵⁴ Там же. С. 108.

⁵⁵ Там же. С. 108.

⁵⁶ Там же. С. 109.

то ученом обществе, он в следующий свой приход извинился перед аудиторией за невольную невежливость»⁵⁷.

Курс палеографии в Археологическом институте вел профессор В.В. Майков⁵⁸. Задачей курса являлось привить слушателям навыки чтения древнерусских и славянских рукописей, научить чтению устава, полуустава, вязи и скорописи. Поскольку курс имел чисто практическое значение, то наш автор имел возможность оценить результаты на основании ясных критериев. На взгляд В.С. Савонько занятия организованы совершенно неудовлетворительно. Профессор В.В. Майков каждый раз приносит с собой огромную охапку листов и картонов фототипий, снятых с древних рукописей. Весь этот материал в полном беспорядке растаскивается слушателями таким образом, что один работает с 10 таблицами, другим же ничего не достается. Поскольку слушатели не в состоянии самостоятельно разобрать некоторые слова и буквы, то приходится обращаться за помощью к профессору, который не в состоянии за час занятия оказать помощь нескольким десяткам студентов. Таким образом, удачливый слушатель не в силах прочесть за одно занятие более 1 страницы полууставного почерка. В.С. Савонько считает организацию занятий по обучению палеографии совершенно неэффективной. Он предлагает свои меры, среди которых: организация учебных групп в составе не более 5 человек во главе с лучшим учеником, выбор для прочтения типичных рукописей разных столетий с тем, чтобы слушатель в итоге получал «научно-продуманный курс археографии», использование «волшебного фонаря», на экране которого следует демонстрировать снимки рукописей с комментариями преподавателя. Содействовало бы улучшению занятий и заблаговременная раздача рукописей и нумерация их, чтобы исключить повторное получение одних и тех же рукописей. «Одним словом, – заключает наш автор, – всякое дело можно организовать и поставить на твердую ногу, даже без особых затрат, лишь бы была добрая воля и охота к делу, а главное была бы любовь к делу, желание принести пользу делу, желание служить делу “не за страх, а за совесть”»⁵⁹. Всю вину за плохую организацию занятий по палеографии В.С. Савонько возлагает не на профессора В.В. Майкова, а на директора института.

---

⁵⁷ Там же. С. 109.

⁵⁸ Майков Владимир Владимирович (16.04.1863 – 21.02.1942), археограф, палеограф, библиограф, сотрудник Императорской Публичной библиотеки в 1896 – 1942 г., член-корреспондент АН СССР (1925 г.).

⁵⁹ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 112.

Улучшению качества обучения палеографии могло бы содействовать издание учебных пособий, поскольку рукописей на дом слушателям институт не выдавал, в библиотеке альбомов для занятий палеографией не имелось. В.С. Савонько отмечает, что изданный в 1901 г. альбом А.И. Соболевского «очень хороший», но он не исчерпывает всех «типических» рукописей. К тому же администрация института продает альбом за 5 рублей и не желает печатать новые пособия, пока тираж не будет распродан. Вдумчивый слушатель совершенно справедливо замечает: «Необходимо издавать новые альбомы, более продуманные и систематизированные, и все такие издания должны быть выложены в читальне Института, или храниться в библиотеке, но выдаваться в читальню по первому требованию слушателя»⁶⁰.

Экзамен по русской палеографии принимал профессор И.А. Шляпкин. Слушатели уселись за столами, экзаменатор раздал снимки рукописей. По словам В.С. Савонько: «задача наша состояла во-1) в транскрипции рукописи и во-2) в подробном описании рукописи; в заключение нужно было определить век рукописи»⁶¹. Задачи экзаменуемых сильно облегчала возможность удалиться в другую аудиторию и воспользоваться помощью коллег и обращением к учебникам и справочникам. В то же время те, «кто сидел за столом самого Шляпкина (например, я), писали вполне самостоятельно и без помощи руководств». Оценки за письменные работы ожидалось спустя 6 – 7 дней. Критически настроенный Владимир Степанович замечал по этому поводу: «нужно отметить, что вряд ли можно хоть мало-мальски верно оценить наши познания при такой организации письменного экзамена. Устный разбор был бы в сто раз полезнее. Письменную транскрипцию можно было бы сохранить и при устном ответе: это отняло бы всего несколько минут»⁶². Результаты экзамена стали известны 3 мая. 22 работы получили оценки «неудовлетворительно», работа В.С. Савонько удостоилась оценки «весьма удовлетворительно».

Экзамен по Археографии принимали профессора В.В. Майков и Н.М. Коринский. Он состоял в следующем: «Профессор Майков дает одну рукопись скорописного письма и один фотографический снимок с полуустава. Пока один отвечает – двое подготавливаются»⁶³. В.С. Савонько с легкостью прочел по пяти строчек скоропи-

---

⁶⁰ Там же. С. 113.

⁶¹ Там же. С. 264.

⁶² Там же. С. 265.

⁶³ Там же. С. 265.

си и полуустава, после чего ответил на вопросы о начертаниях некоторых букв. На этом экзамен закончился.

Курс нумизматики в институте читал профессор А.К. Марков⁶⁴. Вот что о нем пишет В.С. Савонько: «Массивный, с двойным, или даже тройным подбородком он грузно усаживается на кафедру, вынимает мелко исписанные листки и начинает их читать, как будто вслух, но вернее про себя, откашливаясь через каждые 5 слов... Это и есть т. н. лекция профессора Маркова»⁶⁵. Большинство слушателей не улавливали даже отдельных слов. Автор записок не выдержал часу и ушел с лекции: «ибо его “бурчанье” под нос невозможно понять!». А.К. Марков к этому времени являлся автором нескольких значимых трудов и был признанным авторитетом в нумизматике. Однако, на страницах дневника появляется запись: «хотя некоторые научность его трудов и оспаривают, говоря, что все его исследования будут рано или поздно грандиозно опровергнуты, как ложные»⁶⁶. Невозможно установить, кто из слушателей распространял слухи о научной несостоятельности профессора А.К. Маркова, но считаем важным отметить сам факт того, что в институте обсуждались личности и репутации профессоров.

Основным пособием для подготовки к экзамену служил конспект лекций «Русская нумизматика», изданная Гусевым. Профессор Марков был строгим экзаменатором лишь в присутствии ассистировавшего ему профессора Н.П. Лихачева. Когда он принимал экзамен один, то его снисходительность была почти безграничной. На строгий взгляд В.С. Савонько, – «следует признать, что это не экзамен, а “балаган”»⁶⁷.

Лекций профессора Н.П. Лихачева по дипломатике состоялось только три, поэтому наш автор говорит о нем очень кратко: «Профессор ЛИХАЧЕВ, наоборот, читает ясно, громко и гладко. К сожалению его лекций было очень мало и опять приходится повторить, что мы прослушали лишь (да и то дай Бог!) введение в курс, а не самый курс дипломатики, чрезвычайно интересный и любопытный»⁶⁸.

«Дипломатика», по мнению слушателей, являлась самым трудным и тяжелым экзаменом. Н.П. Лихачев требовал «непременное знание хронологии всеобщей истории, начиная от 7000 г. до Р.Х. и

---

⁶⁴ Марков Алексей Константинович (1858 – 1920), известный русский археолог и нумизмат, с 1900 г. руководитель отдела нумизматики Эрмитажа. Крупнейший специалист в области сасанидских и куфических монет и топографии монетных кладов.

⁶⁵ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 114.

⁶⁶ Там же. С. 114.

⁶⁷ Там же. С. 262.

⁶⁸ Там же. С. 114.

до наших дней и знакомство с изданиями (каталогом) императорской Археографической комиссии»⁶⁹. Лекции самого профессора В.С. Савонько слушал лишь трижды, но удостоил его самой высокой оценки. Подготовка к экзамену велась им по изданному стенографическому курсу лекций. Что же касается манеры приема экзамена, то профессор Лихачев совершенно не притерпелся к экзаменационным билетам. «Едва вы начинаете из него рассказывать, как г. Лихачев вас прерывает и задает вопрос совсем из другого билета. Таких вопросов он предлагает не менее 15 каждому, но число их доходит до 30 и более. Из числа этих вопросов половина приходится на “историю”»⁷⁰. По свидетельству В.С. Савонько: «Он сыпал вопросы, как из рога изобилия, и, не получая на некоторые из них ответы, сперва “наводил” на ответ, а потом, если это не помогало, сам давал ответ. Прodelывал все это он деликатно, ровным голосом»⁷¹.

Дадим слово автору дневника: «Я выгащил билет № 20 “О пергаменте”. Не успел я разинуть рта, как он мне задал вопрос 1) что древнее – папирус или пергамент? Я ответил подробно с доказательствами и ссылкой на древнейший папирус (Туринский папирус Присса за 23 века до Р.Хр.) и древнейший пергамент (Данная в монастырь Chateau le Gruyère 670 года и друг.). Подробный ответ предупредил его вопросы, так как профессор все равно бы спросил: “Какой древнейший папирус?” и т. д.»⁷². Стремившийся ничего не упустить В.С. Савонько привел 20 вопросов из числа тех, что задал ему профессор Лихачев. Приведем их для желающих проверить свои знания.

«Вот вопросы:

- 2) Какой в России самый древний памятник на пергаменте?
- 3) Когда было свергнуто монгольское иго?
- 4) Когда началось в России заимствование византийских обычаев?
- 5) Когда была Куликовская битва?
- 6) Назовите какого-нибудь князя на Руси в 13 столетии? Имеющего отношение к Петербургу? (Александр Невский)
В каком году?
- 7) Что такое “картулярии”?
- 8) Что такое “formulaire”?
- 9) Подписывали ли русские Цари грамоты?

(На этот вопрос я ответил неверно, ибо в курсе

---

⁶⁹ Там же. С. 255.

⁷⁰ Там же. С. 256.

⁷¹ Там же. С. 256.

⁷² Там же. С. 256.

указаний я не встретил)

10) Что такое Византийская Империя?

11) Когда случилось разделение Римской Империи?

12) Что такое Царственная книга?

13) Самостоятельное ли сочинение Царственная книга?

14) В каком древнем русском издании встречается французская бумага?

15) Какая бумага употреблялась во Франции?

16) Какие дипломатические памятники были напечатаны до Петра?

17) Кто был Даниэль-ван-Папеброг?

18) Кто был Антоний Липомани?

19) Что такое кардинал?

20) Назовите какого-нибудь папу? (я назвал Иннокентия 3).

Чем он замечателен? Когда жил?

21) Кто такой Беренников?»⁷³.

С удовлетворением наш автор замечает: «По окончании моего ответа я видел, как профессор Лихачев отметил против моей фамилии “весьма удовлетворительно” – это, кажется, высшая институтская отметка»⁷⁴.

Приват-доцент Н.М. Коринский читал в институте курс славянской палеографии⁷⁵. Он начал читать свой курс только в феврале 1905 г., но уже после двух лекций завоевал симпатии слушателей: «молодой, сравнительно, ученый, обнаружил и солидную, энергию и горячее желание действительно принести пользу своими лекциями»⁷⁶. Желая дать слушателям более полное понятие о палеографии, Н.М. Каринский прочитал дополнительную лекцию даже после официального окончания академического года. «Как профессор и лектор Коринский вполне хорош, – аттестует его В.С. Савонько, – на лекциях он объясняет с увлечением, толково и научно, приносит с собой книги, которые раздает слушателям на просмотр, старается перенести свое преподавание на практическую почву и вообще обнаруживает ту “порядочность” в своей “профессии”, которой, увы! – не хватает у большинства профессоров»⁷⁷.

---

⁷³ Там же. С. 256–257.

⁷⁴ Там же. С. 257.

⁷⁵ Каринский Николай Михайлович (22 марта (3 апреля) 1873, Вятка — 14 декабря 1935, Москва) — российский и советский филолог-славист, палеограф, диалектолог, член-корреспондент АН СССР (1921, до 1925 — РАН), доктор языкознания (1934).

⁷⁶ РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 114.

⁷⁷ Там же. С. 115.

Экзамен по Славянской палеографии был организован весьма просто: «Коринский дает рукопись из атласа Лаврова, в котором имеются снимки с болгарских рукописей (№№ 1–39) и снимки с Сербских рукописей (№№ 39 – до конца)»⁷⁸. Таким образом, экзаменующиеся уже знали, рукопись какого извода находится перед ними, и оставалось лишь указать характерные признаки болгарского или сербского извода экзаменатору. Экзамен заключался в следующем: «1) Нужно суметь прочесть рукопись; 2) Перевести текст по-русски; 3) Определить век на основании палеографических признаков; 4) Указать сербизмы или болгаризмы, как грамматические, так и палеографические»⁷⁹. По словам В.С. Савонько: «Все это я ответил безошибочно и получил отметку “весьма удовлетворительно” – высшую и очень редкую отметку у профессора Коринского».

К сожалению, в дневнике В.С. Савонько не нашлось места для описания лекций по «Русским юридическим древностям», который читался профессором права В.М. Грибовским⁸⁰, а также необязательного курса Польско-литовских древностей, читавшегося ассистентом С.М. Гольдштейном⁸¹. Существует лишь описание экзамена, который принимали профессор права В.М. Грибовский и ассистент С.М. Гольдштейн. В рамках подготовки «нужно было прочитать 2 толстых тома профессора Сергеевича, основательно ознакомиться со списками “Русской Правды” и в виде пособия выучить конспект Кустерского»⁸². Каждому экзаменуемому досталось по три вопроса. В.С. Савонько отвечал на следующие вопросы: 1) «О смердах»; 2) «Расторжимость брака по Эклоге, Прохирону, Уставу Ярослава и на практике князей»; 3) «Что такое Московские дворяне?»⁸³. На все три вопроса В.С. Савонько отвечал блестяще: «По окончании моего ответа профессор сказал: “Очень хорошо-с, благодарю вас!” и поставил мне “весьма удовлетворительно”».

На этом программа выпускных экзаменов заканчивалась. Как успешно окончивший курс В.С. Савонько был удостоен звания «члена-сотрудника» Императорского археологического институ-

---

⁷⁸ Там же. С. 265.

⁷⁹ Там же. С. 265–266.

⁸⁰ Грибовский Вячеслав Михайлович (29 июля 1867, Сувалки – 21 февраля 1924, Рига), профессор, правовед Петербургского археологического института.

⁸¹ Гольдштейн Сальвиан Маврикийевич (1855 – 1926) – историк, археограф, общественный деятель, ассистент профессора в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте.

⁸² РНБ. Ф. 1000. Оп. 11. Ед. хр. 87. С. 271.

⁸³ Там же. С. 272.

та⁸⁴. Это звание давалось для лиц, не имевших высшего образования. Попытка В.С. Савонько опротестовать эту несправедливость на том основании, что он закончил три курса Михайловского артиллерийского училища, успеха не имела. Его прошение было отклонено.

Закончив обучение в Археологическом институте, В.С. Савонько и его товарищ по 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригаде Н.Н. Ушаков пожелали проверить результаты сданных экзаменов. Причину такой бдительности автор дневника указывает вполне конкретно: «Администрация Института не внушает нам доверия»⁸⁵. В канцелярии Института им был предоставлены экзаменационные списки по всем десяти сданным экзаменам. К своему удивлению, В.С. Савонько обнаружил, что по семи предметам у него стоят ожидаемые им оценки «весьма удовлетворительно», но по трем: по Исторической географии, Христианской археологии и Археографии его знания оценены как «удовлетворительные»⁸⁶. С явным разочарованием В.С. Савонько записывает: «Историческую географию я отвечал, как известно, прекрасно и отметку “удовлетворительно” я отношу к темпераменту г. Середонина. Не буду спорить о Христианской археологии (я знал и отвечал хорошо), но археограф несомненно покривил душой! Ведь я прочел обе рукописи не только безошибочно, но и бегло...»⁸⁷. Интересно, что готовый смириться с оценками по Исторической географии и Христианской археологии, гвардейский поручик искренне был огорчен заниженной на его взгляд оценкой по Археографии.

Окончание курса венчало общее собрание в Археологическом институте, которое состоялось 11 мая 1906 г. Церемония была очень простой. Окончившие курс слушатели решали административные вопросы по поднесению памятных подарков чиновникам института и старосте курса, о совместном фотографировании и др. Прерия прервало появление директора Н.В. Покровского, который зачитал список лиц успешно закончивших институт. Далее директор произнес речь, в которой выразил благодарность слушателям за то, что те, несмотря на революционные события 1905 – 1906 гг.,

---

⁸⁴ По Положению 1899 г. успешно окончившие двухлетний курс действительные слушатели Санкт-Петербургского археологического института получали диплом на звание действительного члена института, а вольнослушатели – сотрудника. Выпускники, представившие на суд совета института дипломные работы, награждались золотыми или серебряными медалями. (Положение о Санкт-Петербургском Археологическом Институте // Вестник археологии и истории. – 1901. Вып. 14. С. 4–5).

⁸⁵ Там же. С. 273.

⁸⁶ Там же. С. 274.

⁸⁷ Там же. С. 274.

не оставляли учебы. После поднесения памятных подарков слушателям были вручены дипломы. В.С. Савонько педантично отметил: «Я получил свидетельство за № 163. Мое звание: Член-сотрудник ИМПЕРАТОРСКОГО Археологического Института»⁸⁸.

На следующий день оба новоиспеченных члена-сотрудника Императорского Археологического института поручики В.С. Савонько и Н.Н. Ушаков представили полученные дипломы в штаб 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады. Следствием этого явился приказ по бригаде за № 131. Пункт 3 этого приказа гласил: «Вследствие представленных поручиками САВОНЬКО и Ушаковым свидетельств об окончании ими ИМПЕРАТОРСКОГО Археологического Института, предписываю внести в послужные списки Поручиков САВОНЬКО и Ушакова:

1) Об окончании ими названного высшего учебного заведения
и

2) Нагрудный серебряный знак за окончание Императорского Археологического Института.

Вместе с тем разрешаю поручикам САВОНЬКО и Ушакову ношение этих знаков на правой стороне мундира, сюртука и кителя»⁸⁹.

Судя по вышеприведенному приказу, диплом об окончании археологического института заносился в послужной список и мог иметь значение в процессе аттестации офицеров на предмет присвоения очередного звания. Учеба в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте не оказала прямого влияния на военную карьеру В.С. Савонько, но на всю жизнь привила ему желание заниматься историей. Неслучайно в феврале – марте 1907 г. В.С. Савонько вместе с поручиком Н.Н. Ушаковым был в числе основателей «Военно-исторического общества».

---

⁸⁸ Там же. С. 275.

⁸⁹ Там же. С. 275.